

Таврический национальный университет
имени В. И. Вернадского
исторический факультет
кафедра истории России
и новой и новейшей истории

«СЛИНКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

(Том I)

**14 февраля 2014 г.
г. Симферополь,
Украина**

«Слинкинские чтения»: материалы II Международной научно-практической конференции памяти профессора М. Ф. Слинкина, 14 февраля 2014 г., Симферополь. Том I : научное интернет-издание в 2-х томах / кафедра истории России и новой и новейшей истории, Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского; отв. за выпуск Д.В. Дорофеев. – Симферополь, 2014. – 56 с.

В сборнике опубликованы материалы II Международной научно-практической конференции памяти профессора М. Ф. Слинкина, (г. Симферополь, 14 февраля 2014 г.)

Материалы приведены в авторской обработке.

Редакционная коллегия:

Щевелев С.С. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России и новой и новейшей истории Таврического национального университета имени В.И. Вернадского

Дорофеев Д.В. – кандидат политических наук, доцент, кафедра истории России и новой и новейшей истории Таврического национального университета имени В.И. Вернадского

Публикуется по решению кафедры истории России и новой и новейшей истории Таврического национального университета имени В.И. Вернадского (Протокол № 8 от 20 февраля 2014 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Ціватий В.Г. Дипломатія Турецької Республіки кінця ХХ – початку ХХІ століття: модель, традиції та інституційно-національна специфіка	3
Чубрикова О.О. Афганський напрям зовнішньої політики Туреччини після 2001 року: приклад «максимальної ефективності»	6
Близняков Р.А., Щевелев С.С. Российская и зарубежная академическая элита в оценках и поисках оптимального ближневосточного вектора РФ: размышления по поводу сборника статей (Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / Отв ред-ры В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. – 593 с.)	9
Худолій А.О. Американо-російські відносини в постбіполярному світі	20
Мартынкин А.В. Афганистан и международное исламистское движение «Аль-Джамаа Аль-Исламия»	28
Мирзаев Дж.З. К биографии Джамал Ад-Дина Афгани	30
Косов А.П. Беларусь и страны Персидского залива: пути сотрудничества	33
Сигаева Г.В. Крымско-татарское землевладение (XV-XVII вв.). Источниковедческий и историографический обзор	37
Бибешко Е.В. Этнические и конфессиональные особенности Ирана	41
Єрмаков С.Г. Интифада Аль-Акса, проблема мирного урегулирования палестино-израильского конфликта	43
Дорофеев Д.В. Восприятие делегатами Континентального Конгресса государств Варварского берега: к истокам внешней политики США (1776-1788 гг.)	46
Сухоруков А.Н. Развитие националистических идей в Иране в конце XIX в. и их связь с языковым пуризмом	50
Лукьянов Г.В. Организация и деятельность «арабских афганцев» в Ливии в 1990-1995 гг.	53

Г.В. Лукьянов

магистр политологии, преподаватель, заместитель заведующего кафедрой всеобщей и отечественной истории, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Российская Федерация)

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «АРАБСКИХ АФГАНЦЕВ» В ЛИВИИ В 1990-1995 ГГ.

Данный доклад имеет своей целью описать деятельность участников конфликта в Афганистане арабского происхождения в организации оппозиционного движения исламистов-джихадистов в Ливии. Опыт, полученный «арабскими афганцами» в кампании против советских и афганских правительственных войск, нашел свое отражение в структуре, тактике и стратегии Исламской боевой группы, сумевшей стать основным и наиболее опасным противником режима Муаммара Каддафи на рубеже XX – XXI вв.

При поддержке таких сетевых организаций и институтов, как «Мактаб аль-Хидамаат», послуживших предтечей для созданной много позже Аль-Каиды, афганская исламистская оппозиция правительству Народно-демократической партии на протяжении всей второй половины 1980-х гг. успешно пополняла свои ряды отрядами добровольцев из арабских стран [5, 16-17]. Общность языка (несмотря на все различия в диалектах арабского языка), религиозная и идеологическая основа, принадлежность к единому «воинскому братству» способствовали сглаживанию различий между уроженцами стран Ближнего Востока и Северной Африки, заложив фундамент для дальнейшего развития исламистского движения в этих регионах после завершения афганского конфликта [3, с. 258-259].

Вывод советских войск из Афганистана в 1989 г. ознаменовал собой не столько завершение гражданской войны, продлившейся официально еще 3 года, сколько снижение потребности военно-политических лидеров афганской оппозиции в сохранении на своей территории значительной военной силы в лице своих самостоятельных и далеко не всегда подконтрольных арабских собратьев. На этом фоне в среде последних все чаще стали проявляться тенденции к объединению по национальному и региональному принципу для отстаивания собственных интересов [3, с. 258-270]. В краткосрочной перспективе, т.е. до завершения войны, эти интересы формировались вокруг отношений с афганскими и пакистанскими союзниками по вопросам текущей деятельности. В долгосрочной перспективе речь шла уже об «экспорте джихада» на территорию их собственных стран, где у власти находились светские авторитарные лидеры, являвшиеся для них не меньшим, если не большим врагом, нежели кабульский режим НДПА и СССР [2, с. 286-306].

В рамках этого процесса в 1990 г. на территории Пакистана ветеранами боевых действий в соседнем Афганистане со стороны исламистской оппозиции, ливийцами по происхождению, была создана военизированная исламистская организация под названием *аль-Джамаа аль-Исламия аль-Мукатила* (Исламская боевая/воюющая группа). Основываясь на том, что основной костяк группы составили ливийцы, а сама Ливия стала зоной ее непосредственных интересов в 1990-х и 2000-х гг., академическая наука, аналитическое сообщество и СМИ в России и за рубежом именовали ее не иначе, как Ливийская исламская боевая группа (ЛИБГ), в то время, как ни военные командиры, ни ее духовные наставники ни в одном из своих выступлений или изданий такую формулировку, включающая географическую приписку к Ливии, не использовали, апеллируя к наднациональному характеру преследуемых целей, поля деятельности, состава участников. Поэтому здесь и далее мы будем использовать термин Исламская боевая группа (ИБГ), как более точно отражающий реальную суть вещей.

Идеологическая база ИБГ, изложенная одним из ее духовных наставников Сами аль-Саиди, также известным под именем Абу аль-Мундир, в изданной в пакистанском Пешаваре брошюре «Общие принципы деятельности Исламской боевой группы» [6], по мнению исследователя Омара Ашура, во многом опиралась на принципы, подробно

изложенные в более ранних работах и программных документах египетских исламистов-джихадистов [7, с. 381]. В частности, можно отметить ряд концептуальных подходов и элементов, заимствованных ими у объединений, подобных аль-Джамаа аль-джихад, активно действовавших в Египте с 1979 г. [1, с. 376-378] и чьи взгляды нашли поддержку среди «арабских афганцев» в Пакистане.

Джихад, как вооруженная борьба с неверными, признавалась идеологами ИБГ неотъемлемым и обязательным личным долгом каждого мусульманина (фард айн) из-за несовершенства и греховности окружающего мира. По мнению аль-Саиди, данное несовершенство стало результатом вторжения язычников в мусульманский мир и воцарения в нем правителей-отступников [6, 105-116]. В странах Северной Африки, куда неверные из Европы и Америки не вторглись открыто так, как это сделал СССР в Афганистане, наибольшую угрозу, он подчеркивал, представляли местные политические лидеры. Они установили нечестивое правление, отрицавшее шариат, как единственный источник истины и власти, и использовали военную мощь и силу подконтрольных им армий и служб безопасности для подавления любого противодействия со стороны истинных мусульман. Тем самым эти режимы препятствовали объединению уммы, построению всемирного халифата и установлению всеобщей справедливости, чем обрекли себя на уничтожение в глазах ИБГ.

В Ливии к тому времени на протяжении двух десятилетий режим Муаммара Каддафи успешно сдерживал целый ряд угроз собственной безопасности, в т.ч. и со стороны исламистской оппозиции [8, с. 2-6]. Внутриполитическая ситуация во многом способствовала складыванию благоприятных условий для деятельности, как внутренней, так и внешней оппозиции самых различных взглядов и убеждений, объединяла которых лишь непреклонная ненависть к М. Каддафи и созданной им системе власти. С конца 1970-х гг. страна была вовлечена в гражданскую войну в соседнем Чаде, ливийская армия и полувоенные формирования практически непрерывно участвовали в боевых действиях против различных политических сил на южной границе, при этом терпя одно поражение за другим [4, с. 29-30]. Уставшие от войны и непонимающие истинных целей своего участия в ней, вооруженные силы Ливийской Джамахирии к концу 1980-х гг. окончательно перестали быть верной опорой политического руководства и превратились в источник антиправительственных заговоров и выступлений [4, с. 31-32]. Ежегодно при поддержке находившейся за границей оппозиции (Национальный фронт освобождения Ливии и др.) предпринимались попытки покушения на жизнь высших иерархов при помощи отставных и действующих военнослужащих, офицеров и рядовых, но все они оказались тщетны. Опираясь на поддержку специальных служб государственной безопасности, гвардейских подразделений, состоящих из представителей лояльных ему племен, свой авторитет среди племенных элит и поддержку среди отдельных слоев населения, Каддафи сумел полностью уничтожить внутреннюю оппозицию и лишить ресурсов для деятельности внутри страны своих оппонентов за границей [9, с. 547]. Таким образом, при высоком уровне общей нестабильности в стране ни одна оппозиционно настроенная сила не смогла добиться успехов, используя эти условия для организации заговора или восстания.

В этом отношении, ИБГ действовала иначе, опираясь в первую очередь на опыт войны в Афганистане. Будучи ветеранами боевых действий против заведомо более сильного и куда лучше вооруженного врага, имея опыт эффективного противостояния регулярной армии в условиях партизанской войны, а также масштабных наступательных операций 1989-1992 гг. в этой стране, ливийские «афганцы» не были настроены повторять ошибки своих предшественников в Ливии, в т.ч. местных «братьев-мусульман».

Сама организация деятельности ИБГ в первые годы ее существования строилась на основе нескольких базовых принципов. Во-первых, полная секретность, включавшая, в т.ч. общение между членами боевых ячеек в отдельных случаях на пушту, - которым практически все они овладели на базовом уровне, - а также запрет контактов с родственниками, друзьями. Во-вторых, закрытость и своеобразная элитарность членства

ИБГ, подразумевавшая участие в ней только ветеранов боевых действий в Афганистане. «Афганцы» не могли доверять остальным ливийцам, в т.ч. единомышленникам, опасаясь деятельности осведомителей службы безопасности, военной разведки или революционных комитетов. Вплоть до начала открытых боевых действий в 1995 г., когда отряды ИБГ понесли серьезные потери во время столкновений с Исламским легионом Каддафи [9, с. 547-548] и оказались перед необходимостью срочно рекрутировать новых бойцов, их прием из числа «неафганцев» был строго ограничен. В то же время предпочтение отдавалось не столько ливийцам, знающим местность и местных жителей, сколько уроженцам соседних мусульманских стран, участвовавших в афганской кампании: в основном алжирцам, суданцам и египтянам, реже тунисцам, марокканцам, и даже неарабам - пакистанцам или афганцам [7, с. 383]. В-третьих, автономность и самодостаточность: в ИБГ не было доверия к другими оппозиционными кружками и организациями внутри страны, даже исламистского толка, поэтому любые контакты являлись вынужденной мерой и потому строго лимитировались и контролировались [8, с. 5-6]. В-четвертых, военная организация, доведенная до абсолюта и включавшая четкую иерархию, строгую субординацию и жесткую дисциплину. Не только ядро, но практически все члены ИБГ на данном этапе состояли из 800-1000 ветеранов Афганистана [7, с. 382], бывших боевым отрядом, а не политической организацией.

Основываясь на этих принципах, ИБГ и выработывала свою тактику и стратегию, которая не предусматривала участия в затяжной партизанской войне на территории Ливии. Напротив, стратеги Группы делали ставку на один мощный удар, направленный на уничтожение несущих столпов поддержки режима М. Каддафи. Объектами их атак должны были стать штаб-квартиры армии, сил безопасности, революционных комитетов, теле- и радиостанции. Оперативно уничтожив политическую и управленческую элиту и лишив тем самым Каддафи контроля над силовыми ресурсами, ИБГ планировала ликвидировать и его самого [7, с. 382-383], что привело бы к параличу и коллапсу всей политической системе в кратчайшие сроки. Продолжительная партизанская война, как способ «пробудить» население Ливии и поднять его на восстание против «тирании Каддафи», на которую ранее ставили многие другие оппозиционеры, виделась ИБГ наименее желанным вариантом развития событий, поэтому ради идеи направленного удара выстраивалась и вся ее структура. В 1993 г. были созданы военные базы в Судане и перевалочные пункты в Алжире для организации наступления в Киренаике и Триполитании соответственно. При этом лидер и консультативный совет, а также большая часть внутренних комитетов ИБГ, в т.ч. пропагандистский, продолжали оставаться в Афганистане и Пакистане, где продолжалась вербовка и обучение бойцов [7, с. 385-386]. Задачи по проведению пропаганды, подготовке общественного мнения, поиска сторонников в самой Ливии имели второстепенное значение и ресурсы на нее в рамках ИБГ не выделялись. Но на протяжении 1993-94 г. в состоянии полной секретности велась работа организационного характера по подготовке вторжения в Ливию, запланированного на начало 1995 г.

Этот год, впоследствии ставший знаменательным для современной истории Ливии, как год начала крупнейшего военного столкновения между М. Каддафи и исламистской оппозицией, начался с крупной пропагандистской победы правящего режима.

Впервые откровенно проигнорировав действие введенного тремя годами ранее в рамках режима международных санкций запрета на полеты авиации над ливийской территорией, руководство страны использовало предоставленные Египтом самолеты и организовало паломничество (*хадж*) верующих в Мекку. Прямой перелет через египетскую территорию из Триполи в Джидду стал значительным успехом ливийской дипломатии, сумевшей обеспечить необходимые договоренности с Каиром и Эр-Риядом вопреки всем сложностям в отношениях между Ливией, Египтом и Саудовской Аравией. Эта победа обеспечила триумф Каддафи как на международной авансцене, так и внутри страны. Ливийский лидер смог на деле подтвердить, что его образ «защитника ислама», который он сам и ливийская пропагандистская машина воспроизводили на протяжении

нескольких предшествовавших лет, имел под собой реальную опору в виде конкретных поступков. Мощный демонстративный эффект имел провокационный отказ следовать требованиям международных организаций и западных стран в том случае, если они мешают мусульманам выполнить их священный долг. В результате авторитет М. Каддафи значительно вырос внутри самой Ливии, особенно среди молодежи, увидевшей в нем, как и десятилетиями ранее их родители, сильного ответственного лидера, отстаивающего идеалы и интересы населения своей страны наперекор всем преградам [8, с.7].

За короткое время подконтрольным ливийским властям СМИ удалось максимально использовать эффект от этой акции для того, чтобы несколько изменить ситуацию в стране, улучшив репутацию ее руководства. Но именно этот успех, которому ИБГ в виду отсутствия каналов пропаганды и удаленности политического центра от самой Ливии, и стал катализатором, заставившим ее руководство форсировать подготовку своего выступления, несколько раз откладываявшегося из-за изменений на алжирском фронте. Тем не менее, благодаря осторожности ИБГ и покрову секретности, которым они окружили свою деятельность, вплоть до лета 1995 г. органы безопасности СНЛАД даже не подозревали об их существовании, не говоря уже о проводимой подготовительной работе в приграничных районах и Киренаике [7, с. 382].

Таким образом, можно с определенной степенью уверенности утверждать, что успех деятельности Исламской боевой группы в указанный период, приведшей к масштабному восстанию исламистов на востоке Ливии в июне 1995 г., продолжавшемуся на протяжении следующих двух лет, основывался на использовании опыта ливийских «арабских афганцев». Созданная ими боевая организация действовала по законам военного времени, в отличие от других исламистских организаций, противостоявших М. Каддафи ранее. Радикальная система политических взглядов, строгая дисциплина, характерная скорее для военизированного подразделения, чем для политической партии, позволила им преодолеть препятствия, казавшиеся неприступными для других оппозиционных сил, и стать наиболее значимым оппонентом режима, представляющим собой реальную угрозу его существованию.

Список использованных источников

1. Видясова М.Ф., Орлов В.В. Политический ислам в странах Северной Африки. История и современное состояние. М., 2008.
2. Кепель Ж. Джихад: Экспансия и закат исламизма. М., 2004.
3. Кудрявцев А.В. «Арабские афганцы» («к вопросу о механизмах радикализации исламистских движений») // Ислам на современном Востоке / Под. ред.: В.Я. Белокреницкого, А.З. Егорина. М., 2004. С. 258-273.
4. Лукьянов Г. В. Ливийская армия от «революции Аль-Фатех» до «Арабской весны» // Азия и Африка сегодня. 2012. № 9. С. 27-34.
5. Мартынкин А.В. Война в Афганистане и феномен «арабских афганцев» // Сборник докладов конференции "Слинкинские чтения" памяти профессора М.Ф. Слинкина (15.02.2013) / Под ред. С.С. Щевелева, Д.В. Дорофеев. Симферополь, 2013. С. 15-18.
6. Сами аль-Саиди. Аль-кхутут аль-арида фи манхадж аль-Джамаа аль-исламийа аль-мукатила. Пешавар, 1998.
7. Ashour O. Post-Jihadism: Libya and the Global Transformations of Armed Islamist Movements // Terrorism and Political Violence, 2011, Vol. 23, №3, PP. 377-397.
8. Ronen Y. Qadhafi and Militant Islamism: Unprecedented Conflict // Middle Eastern Studies, 2002, Vol. 38, № 4, PP. 1-16.
9. Ronen Y. Libya, the Tuareg and Mali on the Eve of the 'Arab Spring' and in its Aftermath: an Anatomy of Changed Relations // The Journal of North African Studies, 2013, Vol. 18, No. 4, PP. 544–559.

НАУЧНОЕ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ

«Слинкинские чтения»: материалы II Международной научно-практической конференции памяти профессора М. Ф. Слинкина, 14 февраля 2014 г., Симферополь. Том I : научное интернет-издание в 2-х томах / кафедра истории России и новой и новейшей истории, Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского; отв. за выпуск Д.В. Дорофеев. – Симферополь, 2014. – 56 с.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

Д.В. Дорофеев

Дизайн, макет и верстка выполнены
на кафедре истории России и новой и новейшей истории,
Таврический национальный университет
имени В.И. Вернадского

Объем 5 п.л.

Распространяется через сеть Интернет